

Политика

КНР—США—Россия: обещают ли перемены во власти власть перемен?

© 2013

А. Давыдов

Предпринята попытка на основе обобщения основных особенностей внутривнутриполитической ситуации в КНР, США и России обозначить тенденции во внешней политике трех этих стран и перспективы развития взаимоотношений между ними.

Ключевые слова: Россия, КНР, США, взаимоотношения, экономическая ситуация, внутренняя и внешняя политика, перемены во власти.

Политическая жизнь в прошлом году оказалась богатой на выборы и иные схожие мероприятия, предвещающие смену декораций или лиц в коридорах власти. Они прошли во многих странах, не обойдя стороной три крупнейшие мировые державы — Китай, США и Россию.

Как известно, в марте 2012 г. пост президента Российской Федерации вернулся к В. Путину, в чем мало кто сомневался. В ноябре на XVIII съезде КПК ее Генеральным секретарем стал 59-летний Си Цзиньпин, утвержденный на недавней сессии ВСНП Председателем КНР. Премьером Госсовета КНР назначен Ли Кэцян. И, наконец, в США, где все, казалось бы, сохранилось по-старому и смены лидера в результате ноябрьских президентских выборов не произошло, на верхних этажах администрации, тем не менее, появились новые фигуры. На главный внешнеполитический пост вместо Х. Клинтон мобилизован сенатор Д. Кэрри. Обновлено руководство Пентагона, ЦРУ и ряда других ведомств, включая министерства торговли и финансов. Все они активно влияют на выработку ориентиров дальнейшего курса Америки в отношениях с ее главными глобальными оппонентами — Китаем и Россией.

Но экспертов-международников и прочих наблюдателей интересуют не только персональные изменения в руководящих сферах ведущих держав, которые, в общем-то, были вполне прогнозируемы, но, прежде всего, ответ на вопрос, скажутся ли эти перемены на их внешней политике? И если скажутся, как это повлияет на глобальную экономическую и политическую ситуацию и общемировую безопасность?

По мнению авторитетного политолога, первого заместителя директора Китайского института современных международных отношений Цзи Чжия, именно в результа-

те этих перемен «стал постепенно развертываться новый виток соперничества в отношении комплексной национальной мощи, началось урегулирование внешней стратегии, обострились споры о политическом режиме и модели развития, а в отношениях между державами углубилась тенденция многополярности»¹.

Известный российский политолог Сергей Караганов считает, что «с уходом доминирования Запада происходит «размораживание» конфликтов, а с возвращением США в АТР туда приходит «баланс сил»².

Добавим почти ставшее аксиомой утверждение, что внешняя политика любого государства есть, по сути, производная от внутренней. Следовательно, ответы на поставленные вопросы нужно искать с учетом состояния экономической и внутривнутриполитической ситуации в указанных странах.

КНР

Общепризнано и внутри страны, и за рубежом, что десятилетие правления Ху Цзиньтао стало «золотым периодом» в истории Китая. За эти годы по ключевым экономическим показателям он обогнал Японию и в течение последних двух лет сохраняет позиции второй экономики мира и «державы № 2» после США, успешнее других преодолел мировой финансово-экономический кризис и стабильно демонстрирует наиболее высокие темпы роста.

Современные мегаполисы с небоскребами, тысячи километров новых скоростных автострад, передовые в техническом оснащении аэропорты, модернизированные морские причалы и портовые сооружения, сверхскоростные железнодорожные магистрали, стремительный рост частного автопарка в стране, улучшение рациона питания и модная одежда населения — все это реальные плоды реформ и расширения внешних связей. Определенный прогресс достигнут и в социальной сфере — сделаны шаги по улучшению медицинского обслуживания и пенсионного обеспечения.

В то же время над страной сгущаются тучи: практически исчерпаны ресурсы модели экстенсивного развития экономики, политика одержимости высокими темпами роста, эффективная в прошлом, в сегодняшних условиях породила целый ряд дисбалансов, включая инфраструктурный.

Растут инфляция и безработица (в 2009 г. прирост занятости в городах был самым низким с 1980 г.), резко взлетели цены на жилье и важные для населения продукты питания, усугубилось неравенство, породившее волнения и социальную напряженность. Призывы китайского руководства к гармонизации общественных отношений не находят должного отклика среди населения. Прокатившаяся волна протестов вызвала в качестве ответной реакции верхов потакание настроениям националистов, потребовавших ужесточения позиций Китая в мире. В свою очередь, активизация националистических настроений грозит усилением сепаратизма внутри страны.

Одновременно прогнозы экономистов предвещают, что эпоха роста китайского ВВП «двузначными» темпами осталась позади. «Экономика КНР сегодня — это капитализм на стероидах, и существует опасность, что она сдуется», — резюмирует бывший советник китайского правительства, политолог Лоуренс Брам. «Необходимо задуматься над переосмыслением модели экономического гиперроста в пользу чего-то более гармоничного», — убежден он³.

Внутри Китая о необходимости радикальных изменений экономической модели стали поговаривать еще до всемирного кризиса 2008–2009 гг., но именно он стал первым тревожным сигналом. В результате возникла идея перехода от модели роста преимущественно за счет экспорта к упору на расширение рамок внутреннего потребления.

Ныне страна находится на перепутье. Намеченные компартией цели — удвоение ВВП к 2020 г. и обеспечение возможности догнать и перегнать в экономическом состязании

нии США — гипотетически реализуемы, но лишь при условии обновления «путей и рельсов» развития. Сохранение опоры в экономике на наращивание экспорта и на «экологический беспредел» — чрезмерную эксплуатацию природных ресурсов и разрушение окружающей среды — путь в тупик.

Но для реализации новой модели требуются не только экономические корректировки, но глубокое обновление социума: преодоление разрывов между городом и деревней и между отдельными регионами, реформирование системы общественного обслуживания, создание всеобщей системы социального обеспечения, включая пенсионное и медицинское, новая демографическая политика, реформа банковской системы с внедрением разветвленной сети кредитования. В настоящее время объем потребления услуг в Китае составляет менее 20% от семейного бюджета, что значительно ниже аналогичного показателя США (70%), а также многих развивающихся стран⁴.

Для трансформации модели роста необходима также опора на инновации и собственные высокие технологии, что является большой проблемой для Китая, привыкшего в основном пользоваться легально или нелегально достижениями зарубежного «хай-тека».

Подразумевается при этом, что решать все вопросы нужно без внешнеполитических «скачков» и иных потрясений. Именно на этом настаивает известный китайский ученый, профессор Ху Аньган, утверждающий в своих исследованиях, что при соблюдении таких условий превращение Китая к 2030 г. в глобальную экономическую державу № 1 становится не только реально достижимым, но по существу гарантированным⁵.

Однако планы развития КНР в предстоящие десятилетия не ограничиваются решением только экономических или социальных задач, поскольку они лишь часть «китайской мечты» комплексной программы «великого возрождения китайской нации». А оно не может состояться без технической и военной модернизации, которая будет гарантом давно заданной цели — превращения Китая в супердержаву — один из полюсов современного мира.

На пути к этой цели, наряду с указанными, предстоит преодолевать ряд других рубежей, в том числе, стратегические и геополитические. Первый среди них — упрочение региональных позиций Китая, укрепление уз с этнически родственными или близкими соседними странами через механизмы экономики, торговли и политики, а также ресурсы т.н. «мягкой силы». Этот замысел, сходный с идеей формирования т.н. «большого Китая», трактуется Пекином как элемент «расширения его влияния в многообразном, глобализирующемся и взаимозависимом мире».

Важнейшей предпосылкой на этом направлении призвано стать воссоединение Тайваня с материковой частью страны, которое Пекин рассматривает как «неудержимый исторический процесс»⁶.

Работа в этих целях ведется давно и постоянно. На примерах Гонконга и Макао апробируется на практике модель воссоединения, опирающаяся на принцип «одна страна — две системы»; с островом налажены и поддерживаются ширящиеся и крепнущие связи: торгово-экономические, деловые, культурные, туристические и транспортные; проводятся политические консультации; на основе объективно совпадающих стратегических интересов (как, например, в случае совместного отпора Японии в вопросе принадлежности островов Дяоюйдао) выявляются общие «точки соприкосновения» с прицелом на возможное взаимодействие при решении тех или иных актуальных проблем. Пекин предложил Тайбэю создать механизм взаимодоверия между берегами Тайваньского пролива в сфере военной безопасности⁷.

Подготовка почвы к воссоединению активно идет и внутри материка. Очевидные шаги в этом направлении дополняются не столь явными, но целенаправленными и завуалированными лишь слегка. Так, в КНР начался пересмотр ряда оценок, относящихся к периоду республиканского Китая и, в частности, личности Чан Кайши: постепенно утверждается подход, согласно которому он все же был «революционером и патриотом», а не «политиканом, пролезшим в руководство революционным движением». Показате-

лем меняющегося отношения к нему стало и появление специальных центров по изучению жизни и деятельности этого политика⁸.

Похоже также, что такие важные идейно-политические новации, как «тройное представительство» Цзян Цзэминя и «гармоничный мир и научное развитие» Ху Цзиньтао, одновременно предназначены и для наведения «мостов» к выстраиванию китайским руководством своеобразной «дорожной карты» дальнейшей адаптации политической системы страны к тем необходимым условиям, без которых воссоединение двух берегов пролива состояться не сможет (внутренняя демократизация, многопартийность, выборность и т.п.). Вероятность вклада в этот теоретический «багаж» нынешнего Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина тоже весьма велика.

Отсутствие сегодня классовых антагонизмов между КПК и Гоминьданом теоретически допускает возможность возвращения к вопросу об их коалиции, уже существовавшей в период антияпонской войны. Китайское руководство часто изумляло мир парадоксальными шагами и непредсказуемыми решениями. В будущем что-то подобное может возникнуть в процессе поиска подходов к решению тайваньской проблемы.

Но реализация грандиозных социально-экономических задач одновременно с наращиванием стратегической и военной мощи до глобально значимого уровня, отвечающего статусу мировой державы, в стране с населением около 1,4 млрд чел., сохраняющейся бедностью и разрывами в доходах порождает, однако, серьезные вопросы.

По прикидкам экспертов, она потребует не только огромных финансовых, но и астрономических ресурсных затрат. Как их намерен решать Китай, если маячащие у него на горизонте уже сегодня энергетические проблемы и ограниченность ресурсов пока не находят путей преодоления? В преддверии XVIII съезда КПК перед китайским руководством наряду с вопросом «как двигаться дальше?» остро встал вопрос «куда?»: каким, в конечном итоге, видится лидерам Поднебесной будущее их страны?

«Дело Бо Силая» предстает, таким образом, не просто ударом по коррумпированным эшелонам власти или схваткой в верхах за право «кому рулить», но одновременно борьбой за возможность выбора альтернативного направления дальнейшего пути — в данном случае, к воссозданию на качественно иной, высокоразвитой основе некоего «справедливого государства» уравнительного социализма «по Мао Цзэдуну» взамен «социалистического» капитализма с «китайской спецификой». Обострение разногласий внесло лепту в провоцирование «кулуарного кризиса» в руководстве страны.

Дэн Сяопин в свое время, чтобы, по возможности, «обойти» возникавшие и тогда в китайском обществе аналогичные вопросы, или отложить ответ на них на неопределенный срок, учредил уникальную по характеру систему смены во власти партийных и государственных руководителей в условиях автократии, положив в ее основу принцип, схожий с династийностью.

В результате за 20 с лишним лет с тех пор, как он формально отошел от дел, в Китае не появилось ни одного лидера, равного по харизматичности Мао, Чжоу Эньлаю, самому Дэну или хотя бы Ху Яобану и Чжао Цзяну. К власти приходит уже третье подряд поколение чиновников-технократов, одинаковых внешней одноликостью. Однако с точки зрения государственной целесообразности такая стратегия была оправдана.

Этот механизм был гарантией стабильности, исключал возникновение непредвиденных ситуаций при переменах в верхах. При этом внимание нации сосредоточивалось не столько на лидере или его идеях, сколько на целях, которые власть провозглашала. В этой связи характерно откровение одного из делегатов последнего съезда КПК, некоего Цзинь Яна, появившееся в СМИ перед сменой генсека: **«Кто бы ни был нашим новым лидером, его выбирает партия, поэтому он представляет китайский народ. Наш лидер, какая бы политика ни проводилась, будет вести нас в лучшее будущее»**⁹.

Но подобная обезличенность власти не может сохраняться вечно. Феномен Бо Силая как раз символизировал попытку отклонения от установленной модели и стремле-

ние получить доступ к ней, опираясь на харизму, но приобретенную за счет популизма. Поэтому она была жестко пресечена, и это решение носило преимущественно политический характер.

Харизма высшего руководителя становится, однако, все более востребованной. Если Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао, указанные Дэном, считались «легитимными наследниками», фигура Си Цзиньпина как нового лидера возникла в результате «кулуарных договоренностей» в обстоятельствах верхушечных распрей. Это может оказаться решающим в случае его неудач в деле преодоления кризисов, которые неизбежно возникают практически у всех политиков высшего ранга.

Возможно, именно по этой причине СМИ КНР сразу после съезда активно погрузились в придание харизматичности образу нового руководителя, опираясь на анализ его жизненного пути и подчеркивая, несмотря на «номенклатурные корни», теснейшую связь Си Цзиньпина с простыми людьми. Она может стать «дополнительным ресурсом» у нового лидера, с которым связывают немалые надежды.

Как признают сами китайцы, общество ожидает от него, в первую очередь, обеспечения долговременной стабильности и решительной борьбы с коррупцией. Однако на этом пути может оказаться заложена «мина замедленного действия», поскольку «стабильность по-КНРовски» предполагает консервацию существующих политических институтов в условиях продолжающейся либерализации экономических устоев и механизмов.

Это неизбежно грозит наступлением момента, с которым сталкивались все страны, бравшие на вооружение, как и КНР, т.н. «азиатскую модель развития» — всплеском противоречий, накопившихся в ходе осуществления либеральных реформ авторитарной властью. Если такое произойдет, последствия для самого Китая и его окружения трудно предугадать¹⁰.

Из первых шагов нового генсека, сразу принявшего на себя и обязанности председателя Центрального военного совета КПК, привлекло внимание назначение на посты его заместителей в этом ключевом органе «четыrehзвездных» генералов Фань Чанлуна и Сюй Цилияна. Смысл такого решения, по-видимому, двоякий: учитывая опыт Ху Цзиньтао, так и не сумевшего наладить полностью доверительных отношений с военными, Си с самого начала рассчитывает иметь в Совете лично преданных новому руководителю людей и, кроме того, обеспечить тем самым консолидирование связей партийной и силовой элит. Одновременно это можно расценить как свидетельство упрочения роли и позиции силовиков в политике нового китайского руководства.

Опасность кроется в том, что усиление военно-силового компонента в структуре власти может привести к еще большему раздуванию внутри страны националистических настроений, которые особенно сильны в военной среде, провоцируют негативную реакцию вне Китая и вызывают новые всплески сепаратизма в нем самом.

США

После переизбрания Б. Обамы на второй президентский срок США тоже оказались фактически на распутье. Лишь частично выполнив обещанное четыре года назад, президент возвратился в Белый дом с ограниченным мандатом, без той доверительной поддержки подавляющего большинства населения, которую получил в первый раз, и на фоне реальной угрозы раскола в американском обществе, когда несколько штатов попытались инициировать сбор подписей за выход из федерации.

Безработица в Америке, составлявшая в 2008 г. 6%, сегодня приблизилась к 8%. Государственный долг достиг астрономических 17 трлн долл., две трети населения утверждают, что стали жить хуже. Но выборы Обама все-таки выиграл. Во-первых, благодаря тому, что предвыборная программа его соперника М. Ромни выглядела не логически выстроенной, а эклектичной, инкорпорируя порою взаимоисключающие элементы. И,

во-вторых, потому, что в США налицо сдвиг демографических пластов, в результате которого белое, достаточно консервативное и состоятельное население может скоро оказаться в меньшинстве. Из 57,53 млн голосов, отданных за Обаму, за него проголосовали 93% всего афроамериканского и 71% латиноамериканского населения США, доходы большей части которого ниже 50 тыс. долл. в год¹¹.

Сложности внутри страны в его первый президентский срок не могли не сказаться на внешней политике Обамы, в которой по сравнению с периодом правления Дж. Буша-младшего произошли изменения. В условиях провала монополярности Америка, не отрекаясь от глобального мессианства, навязывая, как и прежде, повсюду, где можно, идеи и модели «ее демократической системы», вынужденно скорректировала формы и методы реализации своих имперских амбиций.

Статус «мирового полицейского», поддерживать который материально она больше не в состоянии, сменился на образ консультанта и «менеджера по обустройству» экономических и политических пространств «менее развитых» стран. Место устаревшей «доктрины Монро» заняли попытки выстраивания двусторонних и многосторонних альянсов и коалиций с теми, кто независимо от своих идеологических предпочтений, по сугубо конъюнктурным причинам принимает американский патронаж. Оформление таких отношений на прагматичной основе происходило с разнообразными партнерами в диапазоне от социалистического Вьетнама до фундаменталистских режимов Ближнего Востока.

Непосредственное участие Америки в военных операциях резко сократилось: они в основном отданы на откуп старым европейским союзникам по НАТО, руками которых воюют с теми, кого провозгласили врагом. К ним причислены все, кто бросает прямой вызов американским и западным интересам или в состоянии реально угрожать безопасности США — от наркоторговцев, экстремистов и террористов до неугодных режимов и обладателей арсеналов ОМП, не соблюдающих соответствующих международных норм или ограничений.

Обама, как известно, в ходе первого президентского срока предпринял шаги по улучшению отношений с главными геополитическими конкурентами — Москвой и Пекином. Они оказались небезуспешными и принесли некоторые плоды. Другое дело, что их положительные результаты были позднее во многом сведены на нет контрпродуктивными действиями сторон.

Помимо «раздражения» России и Китая «планами по ПРО» и «возвращением в АТР», со стороны Америки они выражались в том, что, признавая вербально за обоими государствами право на неподконтрольные Белому дому собственные сферы влияния и интересов, она без устали «перетягивала одеяло на себя», вторгаясь в эти сферы, проникая в коалиции, существовавшие прежде без американского участия, либо переманивая на свою сторону их отдельных членов.

Такие действия США на всех уровнях — от регионального и субрегионального до локального — преследовали две основные цели: 1) не допустить складывания в важных для них районах антиамериканского баланса сил и 2) влиять там на экономическую ситуацию и энергетические и сырьевые потоки с целью ослабления конкурентов, прежде всего, Китая.

Обновление американской администрации после выборов сопровождалось выдвижением новых задач. В традиционном послании Конгрессу «О положении в стране» от 12 февраля с.г. президент сконцентрировал внимание на первоочередных вызовах, с которыми предстоит столкнуться США — решении экономических, финансовых и социальных проблем, реформировании системы налогообложения с прицелом на «главный приоритет — сделать Америку магнитом для производства и новых рабочих мест»¹².

По словам Обамы, это должно повлечь перевод работников из зарубежных филиалов американских компаний назад в США для использования на высокотехнологичных производствах. Таким образом, экономическое, производственно-технологич-

ческое и финансовое упорядочение одновременно призвано стать составной частью американской внешней политики.

Не утратили важности и традиционные внешнеполитические проблемы, несколько отодвинутые в выступлении на второй план. Остро, как и прежде, стоят вопросы борьбы с терроризмом, угрозой ядерного распространения, сокращения арсеналов ОМП, обеспечения кибербезопасности страны — очередного поля противоборства между США и Китаем.

Приход в администрацию «более умеренных» руководителей Госдепа и военного ведомства в отличие от прежних, отличавшихся достаточной жесткостью — символ того, что руководство международной деятельностью США отныне будет в руках лиц, более близких президенту по взглядам, и ему удалось, наконец, сформировать собственную, «без чужаков», команду единомышленников. Это оставляет надежду на более гибкий и прагматичный курс новой администрации в вопросах внешнеполитической тактики. Стратегия при этом вряд ли изменится.

В то же время объявленное 1 марта с.г. секвестирование бюджета на 85 млрд долл., которое повлечет сокращение военных расходов в объеме 46 млрд долл. и существенно ограничит оборонные возможности США, не может, по заверениям экспертов, не отразиться на глобальной ситуации.

Главное, однако, в том, что ни наметившийся в американской политике небольшой крен в сторону приоритета внутренних проблем, ни возможное смягчение внешнеполитических подходов и средств не должны создавать иллюзии, будто США станут с меньшим рвением отстаивать принципы, которые считают краеугольными в своей международной деятельности — стремление к «руководству миром» и борьбу со всеми, чьи действия идут вразрез с их собственными интересами.

Россия

Считается, что страна с приемлемыми потерями преодолела кризис 2008–2009 гг. За годы премьерства В. Путина объем ее ВВП вырос приблизительно на треть — с 41,5 трлн руб. (2008 г.) до 54, 37 трлн руб. (2011 г.). По данным Росстата, внешнеторговый оборот РФ за последние четыре года увеличился на 7,5%, индекс промышленного производства на 4,1%. Прирост экономики (4,2%) стал третьим по величине после Китая и Индии. В то же время общая численность безработных в стране возросла с 4,8 млн до 5 млн чел., а в пиковый кризисный период превышала 6 млн чел.¹³

Главными проблемами российской экономики по-прежнему остаются ее сырьевой характер, недостаточная инвестиционная привлекательность и относительно высокий уровень инфляции. Преодолению этих недостатков мешают пробелы в законодательстве, недоразвитость инфраструктуры, слабо регулируемые и непрозрачные демографические, миграционные и финансовые потоки, инновационно-технологическое отставание от передовых экономик, недостаточная эффективность межрегионального взаимодействия и, главное, чрезмерная бюрократизация всей управленческой пирамиды и тотальное распространение коррупции. Чиновничья неповоротливость или саботаж порою вынуждают высшее руководство страны «включать рычаги ручного управления». Государственная политика признается экспертами неэффективной и с точки зрения затрат на условную единицу достигнутого результата, поскольку значительная часть бюджета попросту разворовывается.

Масштабы социального расслоения, периодические всплески насилия на религиозно-этнической почве, не искорененные до конца настроения сепаратизма в части регионов и ужесточение позиции властей по отношению к разношерстной и достаточно аморфной оппозиции могут спровоцировать эрозию общенационального единства, разрушительные силы которой укрощать будет очень непросто.

Как и в двух других странах, внутренняя ситуация в России влияет на ее внешнюю политику. Обнародование В. Путиным перед возвращением на пост президента программы «поворота на Восток», навеянной отчасти неконструктивной позицией Запада, вызвало, как минимум, недоумение в ряде европейских стран. Объяснение президентом такого шага стремлением к «выравниванию» экономических связей России, более 50% товарооборота которой приходится на Западную Европу и только 24% на Азию, в то время, как азиатский рынок развивается интенсивнее европейского и две трети российской территории находятся именно в Азии, убедило немногих.

Запад узрел в таком повороте, прежде всего, стратегическую подоплеку. Там произошло усиление антипутинских и антироссийских настроений. Главный конкурент Обамы на президентских выборах М. Ромни назвал Россию «безусловным геополитическим противником номер один». Известный своим русофобством американский политолог З. Бжезинский предрек, что успех Обамы на посту президента в течение второго срока «будет зависеть от того, насколько решительно и серьезно он настроен... в отношениях с **враждебным Путиным**»¹⁴. Х. Клинтон, покидая пост госсекретаря, обвинила российского президента в намерении «возродить СССР»¹⁵.

Однако утвержденная 12 февраля с.г. президентом «Концепция внешней политики Российской Федерации» внесла долгожданную определенность в вопрос о приоритетах, целях и главных направлениях международной деятельности России на ближайшее будущее, обозначив в качестве ее основных характеристик «открытость, предсказуемость и прагматичность», которые, судя по замыслам, должны помочь мировому сообществу воспринимать Россию как «уравновешивающий фактор в международных делах и в развитии мировой цивилизации»¹⁶. Ясно обозначенная концентрация на евроазиатском векторе, углублении интеграции в СНГ и формировании Евразийского экономического союза отражает подлинные интересы России и отменяет сомнения и подозрения по поводу любых других ее псевдонамерений или лже-целей.

Вытекающая из концепции четкая сбалансированность линии поведения России в мире призвана не только обеспечить благоприятные условия для ее внешнеполитической деятельности, но и облегчить выполнение основных внутренних задач — скорейший перевод экономики с сырьевой основы на инновационно-технологическую; поиск действенных средств и методов борьбы с ужасающим спрутом коррупции; повышение эффективности законодательной базы в целях преодоления бюрократизма, сепаратизма, упрочения государственности и усиления ответственности властей за выполнение принимаемых решений.

И, напротив, консервирование нынешнего характера экономики автоматически увековечит сырьевой статус России в мире, делает ее полностью зависимой в технологическом отношении от передовых западных стран.

Китай-Америка: как жить дальше?

Взаимоотношения России, США и Китая остаются сложно переплетенными, тесными, взаимозависимыми и определяющими характер «мирового климата». Однако в двустороннем формате именно китайско-американские отношения оцениваются двумя этими странами как главные для них обеих, а международным сообществом — как самые важные двусторонние отношения по степени их влияния на глобальную ситуацию. Это подтверждает, что Китай прочно занял место бывшего СССР в качестве основного визави Америки.

Ткань взаимоотношений США и Китая, на первый взгляд, перенасыщена конфликтами и противоречиями, которые имеют многоплановый характер. В их числе:

1) Финансовые и торгово-экономические разногласия (споры о соотношении курсов доллара и юаня и связанная с ними проблема дефицита США в торговле с КНР;

внутренние ограничения в США на передачу КНР технологий «двойного назначения» и инновационных наукоемких производств; конкуренция за энергоресурсы).

2) Политико-идеологические расхождения (призывы Америки к демократизации политической системы в Китае, реальной многопартийности, свободным выборам и т.п.; расхождения во взглядах на модель будущего мироустройства).

3) Геополитическое соперничество (незавершенность перераспределения сфер глобальных интересов и регионального влияния в АТР, на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке; участие в конкурирующих региональных и трансрегиональных объединениях; борьба за влияние в АСЕАН).

4) Стратегические и военные противоречия (различия в подходах к решению локальных, региональных и некоторых глобальных проблем; вопросы Тайваня и Корейского полуострова; противостояние в территориальных спорах, вызванных борьбой за стратегическую инициативу и экономическое влияние в Восточной и Юго-Восточной Азии; протекающие из нее элементы военного соперничества в АТР, которое одновременно следует рассматривать как реакцию КНР на расширение американского присутствия в регионе; разногласия по ближневосточному урегулированию, которые в Китае воспринимаются как вызов его интересам в области нефтяного импорта; азиатский сегмент ПРО США как угроза безопасности КНР; расхождения по проблеме стратегических и ядерных вооружений, включая закрытость данных по ракетно-ядерному потенциалу КНР и нежелание Пекина присоединяться к соответствующим международным соглашениям в этой области).

5) Дипломатические расхождения (разногласия в ООН и других международных организациях по ряду ключевых проблем поддержания мира и безопасности; обоюдное стремление не допустить присоединения соперника к региональным и глобальным структурам, членом которых он пока не является, или ограничить его влияние в тех, где состоят обе стороны).

6) Другие области разногласий, включая сферу экологии и гуманитарную область (права человека, охрана интеллектуальной собственности, культурные и ментальные нестыковки) и т.п.

Казалось бы, при столь фундаментальных разногласиях отношения двух стран должны постоянно находиться на грани раскола. Тем более, что события нескольких последних месяцев заставили многих наблюдателей заговорить чуть ли не о грядущем военном конфликте между Китаем и США. Думается, однако, что такой алармизм был излишним и необоснованным.

Ведь за четыре с лишним десятилетия китайско-американского взаимодействия выработана, устоялась и сохраняется парадигма двусторонних отношений, основой которой является их базовая **стабильность** с тенденцией углубления, покоящаяся на обоюдном понимании важности и глобальной значимости этих отношений при **чередовании в них подъемов**, порождаемых экономической взаимозависимостью и обоюдовыгодной заинтересованностью, и **спадов** на почве периодических возникающих кризисных ситуаций.

Эта парадигма получила оформление и закрепление в ходе визита Ху Цзиньтао в Китай в январе 2011 г., и поколебать ее в обозримом будущем могут только резкие изменения в статусе обеих держав или в мировой архитектонике. В Китае к таковым следует отнести внутреннюю дестабилизацию в результате усиления позиций националистов. Рост его экономики в стабильных условиях не вызовет негативной реакции со стороны США.

Взаимозависимость и обоюдовыгодная заинтересованность сторон в поддержании нормальных отношений обусловлены:

а) двусторонними торгово-экономическими связями;

б) производственно-технологическими связями, характеризующимися переводом из США в КНР крупных производств и перетоком туда передовых технологий. Хотя побоч-

ными результатами этого процесса в Америке стали сокращение рабочих мест, исчезновение целых отраслей, ослабление или распад профсоюзов в промышленном секторе (например, Ladies Garment Worker's Union — профсоюз дамских портных), выгода, тем не менее, была обоюдной. Удешевляя производство, США одновременно избавлялись от «грязных» производств, а Китай создавал рабочие места и приобретал новые технологии;

в) валютно-финансовыми узами и взаимодействием на фондовых рынках: Китай, как известно, — крупнейший кредитор США и обладатель портфеля их активов на сумму свыше 1 трлн долл.

Общность интересов и устремлений обеих стран связана с:

а) обоюдным тяготением к решению возникающих между ними проблем мирным путем и пониманием того, что силовые методы являются в подобных случаях нежелательным и самым крайним средством;

б) взаимной боязнью ущерба в случае ухудшения взаимоотношений, стремлением, несмотря на минимум склонности у обеих сторон к уступкам и компромиссам, искать и достигать договоренностей по ключевым разногласиям во избежание еще большего обострения отношений;

в) осознанием и совместным признанием того, что тормозом качественного прогресса в двусторонних отношениях является укоренившийся в них дух взаимного недоверия, и декларируемым общим желанием его преодолеть;

г) согласием каждой из сторон на право визави иметь сферы своих особых интересов за пределами собственного регионального пространства (например, у США — в АТР, а у КНР — в Латинской Америке).

Механизмы, обеспечивающие поддержание стабильности в китайско-американских отношениях, включают: а) диалоговые форматы разных уровней (регулярный стратегический и экономический диалог, диалоги внешнеполитических и военных ведомств, руководителей ведущих политических партий КНР (КПК) и США (демократической и республиканской) и т.п.; б) разнообразные консультации; в) постоянные обмены визитами на всех уровнях.

Их эффективность постоянно проверяется практикой и признается стабильно высокой, что находит подтверждение в документах всех последних китайско-американских саммитов.

Тем не менее, **отношение к Китаю в США** сложное и противоречивое. С одной стороны, в нем видят авторитарное жестко дисциплинированное государство, вынашивающее планы превращения в мощную мировую державу, т.е. по существу в потенциального противника, создающего угрозу американским глобальным интересам.

С другой стороны, отказ от маоистской идеологии, 30 с лишним лет модернизации и реформ, исключительно высокие темпы экономического роста, колоссальный производственный и экспортный потенциал с глобальной сферой охвата, огромные золотовалютные резервы, сравнительно дешевая рабочая сила и ряд других преимуществ делают Китай привлекательным для США партнером, сотрудничество с которым помогает им и в решении внутренних проблем (безработицы, мультитриллионного внутреннего долга и т.п.).

Согласно данным опроса Харриса, в 2011 г. 72% руководителей деловых кругов США и 90,2% в Китае позитивно и благожелательно воспринимали своего визави как партнера. По данным опроса Гэллапа, около 85% американцев считали отношения с КНР «хорошим делом» и лишь 13% придерживались противоположного мнения. Однако, при этом около 63% полагали, что постоянно растущее влияние Китая в мире неблагоприятно для США, а около 60%, что непрерывно возрастающая военная мощь КНР создает угрозу американской национальной безопасности.

За четыре года пребывания Обамы у власти его политика в отношении КНР проделала эволюцию от попыток вовлечь Китай в двустороннюю связь в качестве младше-

го партнера Америки для участия в «регулировании мировых дел» — до признания в нем серьезного регионального и даже глобального конкурента.

Именно в результате осознания неприемлемости для Китая исполнения им в «дуэте с Америкой партии второй скрипки» политика администрации США на китайском направлении утратила к концу четырехлетия свойственную ей прежде импульсивность и стала более сбалансированной и уравновешенной.

С одной стороны, в Белом доме окончательно удостоверились в стремлении Китая возвыситься в статус глобальной державы, путь к которому он, естественно, намерен проделать самостоятельно и поэтому не допускает подчиненности и не нуждается в покровительстве. С другой стороны, реально подтвердилось действие в китайско-американских отношениях двух разнонаправленных линий — соперничества и противоборства на региональном и глобальном уровнях наряду с параллельным упрочением финансовой и торгово-экономической взаимозависимости. Реакцией США на геополитические замыслы Китая стало укрепление ими своего регионального влияния преимущественно за счет политико-экономических рычагов при некотором сокращении (но не ослаблении) военно-силового компонента.

Америка, безусловно, заинтересована в процветающем, сильном Китае по причине теснейшей экономической взаимосвязи с ним. Но ей нужен не агрессивный, а мирный Китай, способствующий упрочению, а не ослаблению искомой ею стабильности. Именно поэтому она готова проявлять определенную сдержанность в некоторых сферах, где позиции двух стран явно далеки от совпадения.

Так, США уже косвенно подтвердили, что не вступят в прямой силовой конфликт с Китаем, отстаивая территориальные интересы Японии или Филиппин. Однако это не должно восприниматься Пекином как проявление ими слабости, поскольку обострение, к примеру, ситуации в тайваньском или корейском вопросах может привести к весьма опасным последствиям, вплоть до провоцирования жесткого биполярного противостояния.

Безусловно, главным «яблоком раздора» между двумя странами в нынешних условиях изначально стало провозглашение в 2010 г. Соединенными Штатами концепции «возвращения в АТР». Согласно преобладающему мнению мировых СМИ, включая и ряд западных, цель ее состояла исключительно в сдерживании Америкой «усиления и возвышения КНР». С таким выводом в экспертном сообществе согласны, но лишь отчасти. Многие, в том числе, в самом Китае, считают его неоправданно упрощенным.

На АТР, как известно, приходится 65% мирового сырья, 61% мирового ВВП и 47% глобальной международной торговли¹⁷. Поэтому цели США в регионе видятся гораздо шире простого ограничения растущего китайского влияния. Обеспечивая сохранение в нем своего стратегического преимущества, они надеются использовать подъем развивающихся стран Азии и их экономический рост для восстановления экономики в собственной стране¹⁸. Нелишне напомнить, что туда же — в том числе — через Китай, стремится Россия, желающая, по образному выражению В. Путина, именно в нем «поймать ветер в свои паруса».

На экспертном уровне диапазон оценок «возврата США в Азию» разнообразен и широк. Наряду с резко отрицательными, даже со стороны американских аналитиков¹⁹, существуют и одобрительные, как ни парадоксально — среди политологов КНР, некоторые из которых пытаются даже спрогнозировать, какую пользу из этого Китай мог бы извлечь²⁰.

В США не могут не учитывать **прогнозы экономического развития КНР**. Согласно одним, Китай готов превзойти в нем Америку уже через два десятилетия. Однако, помимо уверенного роста его ВВП, существуют негативные моменты, заставляющие сомневаться в этом: несопоставимо низкий по сравнению с США уровень дохода на душу населения, на «подтягивание» которого до американского потребуются, по оценкам, не менее 100 лет; одни из самых высоких диспропорций в доходах богатых и бедных; очень

незначительное число отечественных т.н. «брендовых» компаний, способных конкурировать на глобальном уровне; подмена собственных инновационных и высокотехнологичных разработок промышленным шпионажем и копированием зарубежных технологий; деградация экологии и сокращение водных ресурсов; уязвимость модели экономического роста, опирающегося на увеличение экспорта, прямые иностранные инвестиции и доминирование госпредприятий.

По другим прогнозам, в 2013–14 гг. китайскую экономику может «накрыть» кризис, подобный тому, что в конце 2008 г. обрушил экономику США. Даже став второй экономикой мира, КНР в ряде сфер уступает третьей экономической державе — Японии.

Подавляющее большинство аналитиков полагают, однако, что примерно до 2020 г. Китай, скорее всего, будет развиваться динамично. Это создаст видимость того, что он догоняет и даже обгоняет Америку в экономике, политике и военной сфере. Иными словами, развитие двух стран в ближайшие десятилетия будет нелинейным и неравномерным, то ускоряющимся, то замедляющимся. И это затруднит оценку перспектив мирового развития²¹.

Геополитическое и военно-стратегическое соперничество двух стран сохранится, но по мере укрепления военно-силового потенциала КНР Америке придется все отчетливее осознавать целесообразность его смягчения на основе обоюдных компромиссов.

В КНР по-своему глядят на грядущее развитие отношений с главным конкурентом и оппонентом. Перед Си Цзиньпином в этой области стоит непростая задача. Роль государственного лидера на переломном этапе обновления модели развития в условиях противостояния геополитическому сопернику, сопротивляющемуся глобальному возвышению и стратегическому укреплению его страны, налагает громадную ответственность.

Нанося визит в США в феврале 2012 г. еще в качестве заместителя Председателя КНР, Си Цзиньпин заявил, что «у Китая и Соединенных Штатов нет мотивов не дружить», охарактеризовал их связи как «отношения партнерства и сотрудничества нового типа», озвучив их принципы: а) извлечение опыта и уроков из прошлого; б) расширение «границ мышления» для лучшей оценки перспектив; в) взаимное уважение и доверие, объективное и рациональное отношение друг к другу; г) стремление к взаимной выгоде и обоюдному выигрышу при активном и конструктивном разрешении разногласий и трений.

При этом будущий китайский руководитель проявил определенную жесткость и неуступчивость, дав ответ американской стороне по основным пунктам сохраняющихся разногласий. Более того, он косвенно намекнул, что Китай сегодня фактически хуже Америки, чем она ему.

Согласно опросам общественного мнения, в отношении китайцев к США усиливается отрицательная тенденция. По данным американского агентства «Pew Research Center», по сравнению с опросом двухлетней давности количество полагающих, что между Китаем и США налажены партнерские отношения, снизилось с 68% до 39%, а тех, кто считает отношения двух стран враждебными, увеличилось с 8% до 26%. За годы первого президентства Обамы уровень одобрения в Китае его международной политики упал с 57% до 27%. В то же время доля китайского населения, симпатизирующего американской системе демократии, выросла, хотя и незначительно — с 48% до 52%²².

Намеченный в планах Китая на ближайшее время переход с позиции «мировой фабрики» на позицию «мирового рынка» и крупнейшего импортера товаров, от роли «импортера капитала» — к роли его «экспортера» при одновременной экспансии не только на рынки развивающихся стран, но и в отрасли инновационной экономики Запада практически равнозначен замене реализуемой им ныне индустриальной модели на инновационную постиндустриальную. Это повлечет также перевод части производственных мощностей за пределы Китая — в Юго-Восточную Азию и другие регионы.

Учитывая, что в последние годы в США наблюдается повышение производительности труда, спад зарплат и непрерывная девальвация национальной валюты, а в

традиционных странах-производителях стоимость рабочей силы резко возросла, привлекательность США как производственной базы, наоборот, значительно усилилась. Темпы роста занятости в американской промышленности стали ускоряться. Выше уже отмечалось, что поощрять эту тенденцию намерена и американская администрация.

И если, как утверждают некоторые аналитики, «Китай готовится стать Америкой», то «мир в его современном виде может перевернуться на 180 градусов, и тот, кто был крупнейшим производителем товаров и импортером идей и технологий, станет экспортером идей и импортером товаров».²³

Стартовавший между США и Китаем новый виток конкуренции за статус державы, обладающей самым мощным производством, может привести к очередным обострениям во взаимоотношениях двух стран. Тревогу и настороженность вызывают, прежде всего, два обстоятельства: переход на новую модель Китай намерен осуществлять, сохраняя статус развивающейся страны, что ограничивает степень его ответственности и обязательств перед международным сообществом, при этом он будет сопровождаться «модернизацией сил обороны»²⁴.

Таким образом, обобщающий вывод свидетельствует, что «транзитное состояние», в котором пребывают в настоящее время Америка и Китай, ставит перед ними ряд вызовов и проблем, непосредственно затрагивающих их двусторонние отношения. Их дальнейшее развитие определяется целым комплексом разнородных факторов.

В отличие от Клинтона, пытавшегося сконцентрироваться на «вовлечении КНР» в мировые дела, Обама, очевидно, постарается больше втягивать Китай в процесс «разделения ответственности за них» при одновременном сдерживании и нейтрализации проявлений его силовой мощи, причем не только военной, но и экономической. Продолжится «война с юанем», который Китай стремится сделать не только региональной, но и мировой валютой. Но одновременно в духе прежних договоренностей «Обама—Ху» и «Байден—Си» будет, скорее всего, продолжаться и поиск путей преодоления недоверия — главного препятствия к еще более тесному сближению двух стран.

Именно эскалация недоверия, по взаимному признанию, не дает им возможности установить необходимый и прочный баланс между взаимозависимостью в экономике и противостоянием в политике и военной сфере.

На «экономическом поле» сохранятся разногласия по поводу торгового дефицита США, превысившего 330 млрд долл. Надежду на урегулирование противоречий в области ресурсов, источник которых для Китая — весь мир, что не устраивает США, может подкрепить прогнозируемая «сланцевая революция».

Ответственность за «разбалансировку» в АТР несут обе стороны. В Восточной и Юго-Восточной Азии Китай занял место США в качестве главного торгового партнера Японии, Южной Кореи, Тайваня и ряда стран АСЕАН. А Америка, вернувшись туда за новыми источниками экономического роста, привела с собой не только большую часть военного флота, но стала проталкивать идею «Транстихоокеанского партнерства» — создания межрегионального экономического сообщества с ограниченным доступом. Переход Мьянмы и отчасти Вьетнама под патронаж США также не устраивает Китай, который, в свою очередь, нервнрует Америку укреплением своих военных и морских сил в регионе. Усиление в нем американо-китайского соперничества может привести к расколу АСЕАН.

Самым наихудшим конфликтом между США и КНР, однако, грозит стать не торговый, экономический, идеологический или даже военный, а цивилизационный. Хочется верить, что до этого не дойдет. Порукой тому декларируемые Китаем приоритет мирного пути развития, идеи гармоничного общества и гармоничного мира, составляющие часть его государственной идеологии.

Поэтому даже с учетом сложного, комплексного и всеобъемлющего характера китайско-американских отношений велика вероятность, что в ближайшее десятилетие —

срок правления руководителей пятого поколения — сохранение китайской стороной своей части их фундамента в целостности и невредимости, несмотря на соперничество с США по всему спектру спорных позиций, будет, безусловно, обеспечено.

Хотелось бы ожидать того же самого и от американской стороны.

Россия: между Америкой и Китаем

Несмотря на все внутренние трудности, международное положение и геополитический статус России выглядят сегодня достаточно благоприятно. Хотя перед ней возникают определенные вызовы, в руках у России есть хорошие шансы, которыми следует умело воспользоваться.

Благодаря урегулированию пограничных проблем с Китаем самая протяженная часть российской границы надежна и безопасна. Другие участки ее внешнего периметра критического беспокойства не вызывают, а в сохраняющихся территориальных спорах, в том числе с Японией, больше деклараций, чем конфронтации. Перемена власти в Грузии сулит надежду на стабилизацию обстановки в Закавказье. Ряд естественных преимуществ, включающих обширную территорию с уникальными природными ресурсами, мощный стратегический и военный потенциал, высокий уровень развития науки и культуры — все это создает хороший фон для активизации инициативности нашей внешней политики.

Очевидно, что стратегические устремления США, КНР и РФ далеки от совпадения. Цель США — сохранение их мирового доминирования. Цель Китая в приобретении и упрочении статуса глобальной державы. Целью России, как вытекает из ее внешнеполитических инициатив, является усиление роли своеобразного «моста», связующего Европу и Азию. В этом отношении стратегическое партнерство с Китаем представляет для нас неоценимый фундамент, облегчающий достижение этой цели.

В условиях соперничества КНР и США в АТР России очень важно не дать втянуть себя в это противоборство: прежде всего недопустимы шаги, которые могут нанести ущерб ее отношениям с Китаем, но и выстраивать с ним силовые альянсы, бросая вызов США, было бы нерационально. Выход целесообразнее искать на пути открытого равноправного диалога с обеими сторонами, поддерживая как партнерские отношения с США, так и стратегическое взаимодействие с КНР.

Правда, ситуацию осложняет достаточно узкая платформа партнерства России с Америкой. Ожидание, что с отменой поправки Джексона—Венника и вступлением РФ в ВТО она может расшириться, пока не оправдываются. Наоборот, положение еще больше усугубилось после серии взаимных российско-американских выпадов, инициированных «законом Магницкого».

Объем российско-американской торговли (около 43 млрд долл.) вдвое меньше российско-китайской (порядка 88 млрд долл.) и более чем вдесятеро меньше китайско-американской (приближающейся к 500 млрд долл.).

Хотя вице-президент США Дж. Байден заверял министра иностранных дел РФ С. Лаврова, что «без согласия между двумя нашими странами невозможна ни одна международная акция», Америка все же воспринимает сегодня Россию как партнера по взаимодействию в ограниченных сферах (проблемы стратегических вооружений, борьба с терроризмом, нераспространение ядерного оружия). Угрозы для США она не представляет, и они готовы на более широкое партнерство, но целесообразность его оценивают прагматически²⁵.

Со стороны Америки непосредственная военная угроза России также отсутствует. Но геополитически она старается окружить ее, усиливая присутствие в зонах коренных российских интересов (СНГ, Центральная Азия, Дальний Восток и т.п.).

Гипотетическая угроза для России может возникнуть в случае резкого обострения американо-китайских отношений как следствия эскалации цивилизационного кон-

фликта. Поэтому ей необходимо выработать варианты стратегии с учетом возможности такого «экстремального» сценария. Они могут сводиться к следующему:

1) избегать втягивания в конфликт на чьей-либо стороне, чтобы не оказаться в результате «между молотом и наковальней»;

2) не допускать действий, которые могли бы одновременно расцениваться каждой из противоборствующих сторон как направленные против нее;

3) будучи заинтересованной в сохранении мира и стабильности в АТР и на глобальном уровне, быть готовой в случае, если китайско-американские разногласия зайдут слишком далеко, вплоть до отказа от прямого общения, подключиться, при согласии всех трех сторон, к посредничеству для урегулирования возникшей конфронтации;

Другой, т.н. «умеренный» сценарий существования России в условиях мирного неконфликтного соразвития и стремительного роста двух гигантов — КНР и США — предполагает, что ей придется мобилизовать все силы и ресурсы для сохранения своих экономических и политических позиций в мире, обеспечения самостоятельного и стабильного развития.

И это предстоит делать в обстановке «повышенной турбулентности» — скачков цен на энергоносители, возможных дальнейших революций и переворотов на Ближнем Востоке, дестабилизации в Центральной Азии, усугубления положения в Афганистане и Пакистане, роста исламского фундаментализма и международного терроризма, социальных конфликтов в странах Африки и Латинской Америки.

Поэтому взаимоотношения в тройственной конфигурации РФ—США—Китай будут иметь для России ключевое значение. Важно уже то, что сегодня, в отличие от прошлых десятилетий, они не носят взаимонацеленного характера и в принципе не являются антагонистическими. И хотя говорить о реальности полноценного трехстороннего формата сегодня, к сожалению, не приходится, это не означает, что роль и важность России, даже уступающей двум другим странам по экономическим критериям, становится в их взаимоотношениях менее существенной и весомой. Хотя по сравнению с Америкой и Китаем Россия сейчас более слабый «игрок», у нее есть преимущества перед двумя сильнейшими, которыми она может и должна воспользоваться.

Ей пора, наконец, окончательно свыкнуться с утратой как правопреемницы СССР сверхдержавного глобального статуса и, опираясь на сохраняющийся пока ракетно-ядерный паритет, начать отход от восприятия парадигмы сосуществования с Америкой только в категориях противоборства, и по сей день подменяющего нашей стране способность к реальной конкуренции с ней. Важнейшим направлением, требующим перестроенного внимания, должно стать наполнение российско-американских отношений весомым экономическим содержанием.

США и Россия — энергетические сверхдержавы, которые в состоянии самостоятельно обеспечивать собственные ресурсные потребности в отличие от Китая²⁶. Это тоже может стать платформой для сближения, причем не только в плоскости конкуренции или соперничества, но и сотрудничества.

Россия не хочет никакой серьезной конфронтации, особенно в Южно-Китайском море, где у нее есть свои интересы, включая многостороннее сотрудничество с Вьетнамом и рядом других стран ЮВА.

Как утверждают некоторые исследователи, для нее «лучший результат американо-китайского диалога в том, чтобы отношения Москвы с Пекином и Вашингтоном были лучше, чем двусторонние отношения Пекина и Вашингтона». С другой стороны, благоприятные, дружественные китайско-американские отношения не только отвечают коренным интересам народов этих стран, но создают предпосылки для мира, стабильности и процветания в АТР и мире в целом. Их ненаправленность против России сцементирует основу трехстороннего партнерства.

Можно активизировать участие России в качестве одной из ведущих глобальных сил в решении проблем обеспечения безопасности в регионах, входящих в сферу ее интересов, прежде всего, в АТР и СВА. Участие, наряду с Китаем и во взаимодействии с США, в создании системы международной безопасности вокруг Корейского полуострова и в зоне спорных территорий и морских акваторий Северо-Восточной и Восточной Азии — посильная для нее задача. По силам ей также, постепенно наращивая поставки в Китай энергоресурсов, стать для него альтернативным источником нефти и газа.

России, безусловно, не стоит вмешиваться в американо-китайскую полемику по проблемам демократии и прав человека, но она может и должна поддерживать КНР, хотя бы морально, в приближении решения тайваньского вопроса. Причем в данном случае следует разъяснять США, что **демократизация** внутри политической системы в КНР произойдет **в результате присоединения Тайваня**.

Многие эксперты не без оснований полагают, что российско-китайское сближение имеет пределы. Сам термин «стратегическое партнерство» предполагает тесное взаимодействие на почве совпадающих стратегических и национальных интересов. Однако хорошо известно, что общность подходов двух стран к решению кардинальных мировых проблем не исключает разногласий между ними. Среди негативных факторов в отношениях КНР и России — дефицит стратегического взаимодоверия, наличие в России влиятельных прозападных сил, ряд несовпадений в региональных интересах, разночтения по вьетнамскому фактору, ценам на энергоносители, целый ряд крупных экономических нестыковок и т.п.²⁷

Тем не менее, интересы России, США и Китая сегодня связаны неразрывно. Поэтому налицо обоюдная заинтересованность в согласовании национальных приоритетов и позиций внутри этой «тройки». Отношения в ней ни при каких обстоятельствах не должны выливаться в жесткое противостояние, поскольку от позиций трех стран по кардинальным международным вопросам зависит не только региональная, но и будущая глобальная структура нового мирового порядка и безопасности.

1. *Цзи Чжун*. О перспективах развития международной ситуации // Китай. 2013. № 1. С. 35.
2. Из выступления на втором Азиатско-Тихоокеанском форуме «Российское председательство в АТЭС и новые перспективы интеграции России в АТР». Москва, 12–13 октября 2012 г.
3. *Брам Л.* Конец экономического чуда // РБК daily. 2012. 12 окт.
4. *Ха Цзимин*. Где же пространство для дальнейшего роста китайской экономики? // Китай. 2013. № 2. С. 35.
5. См. запись беседы Ху Аньгана с сотрудниками ИДВ РАН 1 февраля 2012 г.
URL: <http://www.ifes-ras.ru/events/5/470-kitaj-i-mir-k-2030-godu>.
6. «Твердо продвигаться вперед по пути социализма с китайской спецификой и бороться за полное построение среднезажиточного общества». Доклад Ху Цзиньтао на XVII Всекитайском съезде КПК 8 ноября 2012 г. Пекин, 2012.
7. Там же.
8. *Карнеев А.* Китай по-новому оценивает роль Чан Кайши.
URL: http://rus.ruvr.ru/_print/98703434.html.
9. <http://www.ntv.ru/novosti/364377/>
10. На самом деле есть основания предполагать, что китайские власти предвидят такую возможность. Это подтверждают их заявления о необходимости политической реформы. Думается, что пути ее радикализации обозначал еще Дэн Сяопин, углубленное осмысление идей которого о специальных экономических зонах и модели «одного государства—двух систем», возможно, даст ответы и на вопросы о методах совершенствования политического устройства в КНР.
11. *Верецинская Л.* США—Россия: диалог продолжается // Москва-инфо. 2012. № 43.
URL: www.moscow-info.org.
12. <http://www.golos-ameriki.ru/articleprintview/1602521.html>.

13. ВВП: Российское федеральное издание. 2012. № 7. С. 24–25. URL: [http:// ВВП.РФ](http://ВВП.РФ).
14. <http://inosmi.ru/world/20121204/202966732-print.html>.
15. <http://www.golos-ameriki.ru/content/state-briefing-clinton-putin/1563229.html>.
16. Концепция внешней политики Российской Федерации. Опубликовано на сайте МИД России 18.02.2013.
17. <http://russian.people.com.cn/95181/8016391.html>.
18. Там же.
19. Например, профессор Центра китайских исследований при Гарвардском университете Роберт Росс считает, что в новой азиатской политике Обамы нет необходимости, и она контрпродуктивна. (Проблема с разворотом // Россия в глобальной политике. 2012. 23 дек.).
20. Так, доцент Столичного торгово-экономического университета Чжан Чжисинь уверен, что «возврат США в Азию — это лишь утверждение и упрочение их руководящего места в области безопасности Восточной Азии; даже если стратегия США действительно состоит в окружении Китая... то такое состояние уже существует, по меньшей мере, свыше 60 лет, и Китай уже давно приспособился к этой ситуации, а значит, развитие Китая не замедлится. С другой стороны, «возврат США в Азию» углубит уровень переплетения и взаимозависимости интересов Китая и США. ...Наоборот, ныне ускоряется трансформация региональной структуры, совершается переход от традиционного единоначалия к структуре многогранного сотрудничества и управления. Для Китая «возврат США в Азию» — это не только вызов, но и шанс» (Китай. 2011. № 12. С. 3).
- Другой китайский политолог, директор Института США при Китайской академии современных международных отношений Юань Пэн полагает, что «США вряд ли в силах создать «кольцо», чтобы взять Китай в окружение». Причиной «переноса стратегического центра США на Восток» он видит не только такое «окружение», но «осуществление вмешательства в процесс интеграции стран Восточной Азии и поиск новых шансов для скорейшего восстановления отечественной [американской] экономики» (Китай. 2012. № 9. С. 4).
21. <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Mirnoe-stolknovenie-15534>.
22. http://www.mignews.com/print/181012_161507_35796.html.
23. <http://www.utro.ru/articles/2013/02/11/1100481.shtml>.
24. Цзи Чжисе. О перспективах развития международной ситуации // Китай. 2013. № 1. С. 38–39.
25. Согласно результатам последнего обследования службы Гэллапа, 50% американцев относятся к России негативно, а позитивно — лишь 44%. В то же время, по данным ВЦИОМ за февраль 2013 г., США воспринимают позитивно 55% россиян, а негативно 30%. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/article/print view/1618516>. <http://www.golos-ameriki.ru/article/printview/1582726.html>.
26. Согласно результатам последнего обследования службы Гэллапа, 50% американцев относятся к России негативно, а позитивно — лишь 44%. В то же время, по данным ВЦИОМ за февраль 2013 г., США воспринимают позитивно 55% россиян, а негативно 30%. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/article/print view/1618516>. <http://www.golos-ameriki.ru/article/printview/1582726.html>.
27. <http://svpressa.ru/politic/article/54569/>